

УДК 340

Косвенные и неопровержимые презумпции: некоторые размышления к старым дискуссиям

М. Л. Давыдова¹ ✉

¹Волгоградский государственный университет
Университетский пр-т 100, г. Волгоград 400062, Российская Федерация

✉ e-mail: davidovavl@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Несмотря на серьезную научную традицию исследования правовых презумпций ряд вопросов, связанных с ними, до сих пор вызывает серьезные дискуссии в работах специалистов.

Целью статьи является уточнение авторской позиции по двум спорным вопросам, касающимся косвенных и неопровержимых презумпций, которые обычно рассматриваются как не связанные друг с другом проблемы.

Задачи: раскрыть понятия презумпции, косвенной презумпции и неопровержимой презумпции; проиллюстрировать их примерами из новейшего законодательства.

Методология исследования включает классический набор общенаучных и специально-юридических методов. Оба дискуссионных термина в работе рассматриваются на базе единого подхода к понятию правовой презумпции как юридического предположения, т. е. нормативно закреплённого юридически опровержимого утверждения.

Результаты. В результате исследования делается вывод о том, что такой подход не противоречит существованию косвенных презумпций, но ставит под сомнение утверждение о существовании презумпций неопровержимых.

Выводы. Правовая презумпция включает два элемента: общее правило и установленную законом возможность его опровержения. Отнесение презумпции к числу прямых или косвенных зависит от того, насколько четко и компактно сформулированы в законе оба ее элемента. При этом в обоих случаях речь идет об опровержимых презумпциях. Термин «неопровержимая презумпция» используется для описания не своеобразного механизма действия правовой нормы, а механизма ее формирования. Она не адресована правоприменителю как руководство к действию, а описывает мотивы, побудившие законодателя закрепить то или иное содержание в правовой норме. Понятие «неопровержимая презумпция» имеет право на существование в силу длительной традиции и популярности его использования в юридическом дискурсе. Термин «презумпция» при этом используется в широком значении (как предположение, подразумеваемое либо закреплённое в правовой норме) и охватывает собой две самостоятельные разновидности средств юридической техники: правовые презумпции и правовые фикции. Сторонники такого широкого понимания презумпций должны при этом либо признать понятия «неопровержимая презумпция» и «правовая фикция» синонимами либо просто отказать правовым фикциям в праве на существование.

Ключевые слова: презумпция; правовая презумпция; правовая фикция; правовые предположения; юридическая техника; средства юридической техники.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 20-011-00583 А.

Для цитирования: Давыдова М. Л. Косвенные и неопровержимые презумпции: некоторые размышления к старым дискуссиям // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 10–20.

Поступила в редакцию 10.02.2021

Принята к публикации 17.03.2021

Опубликована 26.04.2021

Indirect and Irrefutable Presumptions: Some Musings to Old Discussions

Marina L. Davydova¹ ✉

¹Volgograd State University
100 University av., Volgograd 400062, Russian Federation

✉ e-mail: davidovavlg@gmail.com

Abstract

Relevance. Despite the serious scientific tradition of studying legal presumptions, a number of issues related to them still cause serious discussions in the works of specialists.

The purpose of the article is to clarify the author's position on two controversial issues concerning indirect and irrefutable presumptions, which are usually considered as unrelated problems.

Objectives: to reveal the concepts of presumption, indirect presumption and irrefutable presumption; to illustrate them with examples from the latest legislation.

Methodology. The research methodology includes a classic set of general scientific and special legal methods. Both debatable terms in the work are considered on the basis of a unified approach to the concept of legal presumption as a legal assumption, i.e. a normatively fixed legally rebuttable statement.

Results. As a result of the study, it is concluded that this approach does not contradict the existence of indirect presumptions, but casts doubt on the assertion of the existence of irrefutable presumptions.

Conclusion. A legal presumption includes two elements: a general rule and the statutory possibility of rebutting it. The classification of a presumption as direct or indirect depends on how clearly and compactly both of its elements are formulated in the law. Moreover, in both cases we are talking about rebuttable presumptions. The term "irrefutable presumption" is used to describe not a peculiar mechanism of action of a legal norm, but the mechanism of its formation. It is not addressed to the law enforcement officer as a guide to action, but describes the motives that prompted the legislator to fix this or that content in the legal norm. The concept of "irrefutable presumption" has a right to exist due to a long tradition and popularity of its use in legal discourse. In this case, the term "presumption" is used in a broad sense (as an assumption implied or enshrined in a legal norm) and encompasses two independent types of legal techniques: legal presumptions and legal fictions. presumption "and" legal fiction "are synonymous or simply deny legal fictions the right to exist.

Keywords: presumption; legal presumption; legal fiction; legal assumptions; legal technique; legal technique.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding. The study was carried out within the framework of the RFBR research project No. 20-011-00583 A

For citation: Davydova M. L. Indirect and Irrefutable Presumptions: Some Musings to Old Discussions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 10–20. (In Russ.)

Received 10.02.2021

Accepted 17.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

Правовая презумпция, являясь традиционным и хорошо изученным средством юридической техники, продолжает привлекать внимание исследователей [1; 2; 3; 4]. При этом анализ новейших публикаций по теме подтверждает тот факт, что основные подходы к понятию право-

вой презумпции давно устоялись, сторонникам их вряд ли удастся переубедить друг друга, поэтому дискуссия преимущественно ведется вокруг поиска дополнительных аргументов и уточнения авторских позиций. Наглядной иллюстрацией сказанного выступают очередные Бабаевские чтения, прошедшие в Ниже-

городской академии МВД в мае 2020 года [5] (см. статьи В. А. Толстика, Ю. Г. Арзамасова, М. Ю. Осипова, Н. Н. Цуканова, А. М. Хужина и др.). Наша позиция по большинству связанных с этой темой спорных вопросов тоже была подробно представлена ранее [6; 7]. Однако с учетом новейших публикаций, в том числе содержащейся в них критики, целесообразно вновь обратиться к двум наиболее дискуссионным видам правовых презумпций: косвенным и неопровержимым презумпциям.

Заметим попутно, что во многих публикациях по данной тематике в качестве примеров, иллюстрирующих или подтверждающих теоретические выкладки, используются одинаковые цитаты из нормативно-правовых актов (иногда уже успевших утратить силу) либо их парафраз. Безусловно, в определенных случаях обсуждение одних и тех же нормативных положений необходимо для поддержания общего дискурса. Например, удобен и продуктивен подход, когда критика позиции конкретного автора аргументируется анализом его же собственных примеров. Однако многолетние наблюдения за кочующим из одной публикации в другую «джентельменским набором» правовых аксиом, презумпций или фикций наводят иногда на мысль о нежелании некоторых исследователей самостоятельно анализировать нормативный текст, верифицируя таким образом свои теоретические рассуждения. Именно этим обстоятельством обусловлена предпринятая в настоящей статье попытка рассмотреть некоторые классические дискуссии теории правовых презумпций на материале новейшего законодательства, не попавшего пока в поле зрения теоретиков. Тем самым ставится дополнительная задача, не только ввести в научный оборот новые примеры правовых презумпций, но и показать, что рассматриваемое средство юридической техники не является экзотикой. Это работающий инструмент, постоянно и активно используемый законодателем.

Методология

Методологией настоящего исследования является совокупность следующих общенаучных и специальных методов научного познания: синтеза, анализа, системно-структурного, формально-юридического и метода толкования правовых норм.

Результаты и их обсуждение

Косвенные презумпции

Ранее, солидаризируясь с мнением многих специалистов [8, с. 27; 9, с. 181], мы высказывали осторожные сомнения в целесообразности выделения косвенных презумпций [6, с. 166]. В основе такой позиции лежало, как сейчас представляется, спорное утверждение о том, что косвенная презумпция подразумевается в ситуации, когда законодатель нормативно закрепляет не саму презумпцию, а правило, вытекающее из нее. Однако, если предположение в тексте не закреплено, а основанное на нем правило не носит предположительного характера, установлено императивно, то гораздо логичнее вести речь не о правовой презумпции, а о фактической, лежащей в основе обычной правовой нормы.

Дальнейшие размышления над этой темой привели нас к выводу о том, что правильнее будет не отрицать существование косвенных презумпций, а уточнить их трактовку. Если правовая презумпция представляет собой *юридическое предположение, т. е. нормативно закрепленное юридически опровержимое утверждение*, то, вероятно, о косвенной презумпции говорить следует тогда, когда текстуальная ее формулировка в законе отсутствует, но сам механизм действия презумпции нормативно закреплен и может быть выявлен в результате толкования. Такой механизм предполагает наличие двух составных элементов: общего правила и юридической возможности (и/или порядка) его опровержения. Примером может служить ситуация, когда общее правило в тексте сформулировано, но лишь

дальнейший анализ законодательства позволяет сделать вывод о случаях, порядке, субъектах, которые могут обосновать необходимость исключений из него.

Так поступает Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», когда делает из абз. 2 ч. 2 ст. 51 ГК РФ («Лицо, добросовестно полагающееся на данные единого государственного реестра юридических лиц, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам») вывод: «Презюмируется, что лицо, полагающееся на данные ЕГРЮЛ, не знало и не должно было знать о недостоверности таких данных» (п. 22), и на основе ст. 51, 53, 174 ГК РФ уточняет, как должно в этом случае распределяться бремя доказывания. (Пример взят из статьи И. В. Решетниковой [2, с. 25].)

Несколько подобных положений, косвенно указывающих на наличие правовой презумпции, можно обнаружить в принятом недавно Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»¹.

1. В статье 15 этого закона устанавливаются правовые основы «регуляторной гильотины», которая заключается в том, что Правительство РФ определяет перечень нормативно-правовых актов, утрачивающих силу (п. 1 ст. 15), а также перечень актов, сохраняющих свое действие (п. 4 ст. 15). Анализ текста данной статьи позволяет сделать вывод о том, что в отношении всех нормативных актов, не попавших ни в один из названных перечней, действует *презумпция недействительности нормативно-правовых актов, содержащих обязательные тре-*

бования, соблюдение которых оценивается при осуществлении государственного контроля (надзора), вступивших в силу до 1 января 2020 г. Эта презумпция вытекает из пп. 2 и 3 ст. 15, где говорится о том, что, независимо от признания таких актов утратившими силу, оценка их соблюдения и привлечение к ответственности за несоблюдение содержащихся в них требований не допускаются.

Изменения, внесенные в КоАП Федеральным законом от 24.02.2021 № 29-ФЗ, добавляют соответствующий пункт в перечень обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении (п. 5.1 ст. 24.5), а, следовательно, согласно п. 4 ст. 29.1 КоАП РФ, бремя выяснения таких обстоятельств лежит на судье или органе, должностном лице, рассматривающем дело.

2. В ст. 14 рассматриваемого закона говорится о руководствах по соблюдению обязательных требований, разрабатываемых контролирующими органами. С одной стороны, в п. 7 указывается, что такие руководства применяются контролируемыми лицами на добровольной основе. С другой стороны, согласно п. 9, «деятельность контролируемых лиц и действия их работников, осуществляемые в соответствии с руководствами по соблюдению обязательных требований, не могут квалифицироваться как нарушение обязательных требований». Последнее может рассматриваться как косвенно закреплённая *презумпция добросовестности лица, действовавшего в соответствии с руководствами по соблюдению обязательных требований*. Кроме того, фактически здесь устанавливается ещё одна презумпция: *презумпция целесообразности соблюдения руководств*, которая, вероятно, может быть опровергнута в случае отмены или изменения последних.

3. В п. 7 ст. 3, закрепляя правило разрешения иерархической коллизии, законодатель устанавливает следующее: «В

¹ Об обязательных требованиях в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/ (дата обращения: 28.12.2020).

случае действия противоречащих друг другу обязательных требований в отношении одного и того же объекта и предмета регулирования, установленных нормативными правовыми актами равной юридической силы, лицо считается добросовестно соблюдающим обязательные требования и не подлежит привлечению к ответственности, если оно обеспечило соблюдение одного из таких обязательных требований». Как представляется, в данном случае имеет место *презумпция добросовестности лица, соблюдавшего одно из двух противоречащих друг другу обязательных требований*. На предположительный характер правила указывает глагол «считается». При этом действует эта норма не безусловно: в случае возникновения спора о привлечении к ответственности нужно будет доказать не только факт соблюдения или несоблюдения одного из двух правил, но и то, относятся ли они к одному и тому же объекту и предмету регулирования.

Важно подчеркнуть, что во всех приведенных примерах презумпции, хоть и не выражены в тексте достаточно ясно, выступают именно в качестве регуляторов: установленное общее правило действует не с абсолютной неизбежностью, а только если не будет опровергнута его обоснованность в конкретном случае. По нашему мнению, такой практический критерий применим не только к оценке косвенных презумпций, но и к решению других дискуссионных вопросов, в частности вопроса о неопровержимых презумпциях.

Неопровержимые презумпции

Возможна ситуация, когда из текста закона ясно, что в основе нормы не точное знание, а предположение, но никаких специфических правовых последствий с этим не связано (норма действует в императивном порядке, возможность поставить ее под сомнение закон не предусматривает). Использование термина

«презумпция» применительно к таким нормативным предписаниям носит скорее публицистический характер, т. к. указывает не на механизм действия правила, а на его происхождение. Здесь правильнее говорить не о том, что закон *закрепляет* презумпцию, а о том, что он строится на некоей презумпции (как правило, фактического, а не юридического характера).

Многие положения, относимые в литературе к неопровержимым презумпциям, выглядят именно таким образом. В частности, можно сказать, что законодатель *исходит из презумпции* непонимания малолетним лицом общественной опасности своего поведения, но нельзя сказать, что он *закрепляет эту презумпцию*, т. к. закрепляет он императивную норму, устанавливающую возраст наступления юридической ответственности. Названная презумпция имплицитно присутствует в тексте в качестве подразумеваемого объяснения соответствующей нормы, но на процесс правового регулирования никакого влияния не оказывает.

Приведем пример из новейшего законодательства в сфере цифровых инноваций, точнее из подзаконных актов, принятых в развитие этого законодательства. В соответствии с принятым 31 июля 2020 г. Федеральным законом № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹ Минэкономразвития утвердило ряд документов, касающихся процедурных вопросов его реализации. В частности, порядок направления заявки на присоединение к экспериментальному правовому режиму² предусмат-

¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/ (дата обращения: 28.12.2020).

² Об утверждении формы заявки на присоединение к экспериментальному правовому режиму в сфере цифровых инноваций, перечня прилагаемых к ней документов, порядка направле-

ривает право претендента выбрать один из двух способов представления документов в регулирующий орган:

– на бумажном носителе (непосредственно или заказным письмом с уведомлением о вручении);

– в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью.

Ответ регулирующего органа, содержащий мотивированный отказ, должен при этом быть направлен *способом, которым была представлена заявка*.

Можно предположить, что законодатель исходит в данном случае из *презумпции наибольшей доступности (или удобства) для субъекта выбранного им самим способа представления документов*. Такая презумпция имеет большую степень вероятности (хотя и не максимальную: заявитель мог считать отправку документов заказным письмом более надежным и официальным способом, просто не подумав о том, что получать ответ гораздо быстрее и удобнее ему будет по электронной почте).

Ни наличие такого предположения, ни степень его вероятности на содержание правового веления влияния не оказывают: правило выбора регулирующим органом способа отправки ответа установлено императивно. Более того, наши предположения о мотивах установления данного правила – это лишь одна из возможных версий: законодатель мог исходить вовсе не из удобства заявителей, а руководствоваться стремлением постепенно уйти от бумажного документооборота, не отменяя его сразу, а подталкивая

участников правоотношений к самостоятельному выбору в пользу документооборота электронного.

На данную мысль наводит тот факт, что для уведомления претендента о положительном решении по вопросу о его присоединении к экспериментальному правовому режиму предусмотрен иной порядок. Отдельным приказом Минэкономразвития¹ устанавливается, что «информация о принятом решении доводится до сведения лица в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица Минэкономразвития России, с приложением копии решения посредством направления такого документа по адресу электронной почты лица, указанному в заявке на присоединение к экспериментальному правовому режиму». Ни о какой отправке документов на бумажном носителе речи здесь не идет, электронная форма признана единственно возможной.

Очевидно, что если анализировать данное положение в контексте лежащих в его основе мотивов, то можно предположить здесь наличие другой презумпции – *презумпции надежности электронного (с использованием квалифицированной электронной подписи) способа передачи информации*.

Обе названные презумпции неопровержимы в том смысле, что их некому и незачем опровергать: на процесс правового регулирования никакого влияния это не окажет. Правовыми они могут быть названы только в том смысле, что все

ния, порядка и сроков ее рассмотрения, порядка направления претенденту мотивированного отказа в присоединении к экспериментальному правовому режиму в сфере цифровых инноваций, формы заключения регулирующего органа и состава содержащихся в нем сведений: приказ Минэкономразвития России от 18.11.2020 № 754: [зарегистрировано в Минюсте России 19.01.2021 N 62133]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374379/ (дата обращения: 28.01.2021).

¹ Об утверждении Порядка доведения до сведения лица, подавшего заявку на присоединение к экспериментальному правовому режиму в сфере цифровых инноваций, решения о присоединении этого лица к экспериментальному правовому режиму в сфере цифровых инноваций в качестве субъекта экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций: приказ Минэкономразвития России от 02.11.2020 № 730: [зарегистрировано в Минюсте России 27.11.2020 N 61135]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369280/ (дата обращения: 28.01.2021).

сказанное выше так или иначе имеет отношение к праву. В строго научном плане данные положения представляют собой фактические презумпции, лежащие в основе правовых норм и/или объясняющие их смысл.

Неопровержимые презумпции и правовые фикции

Довольно часто то, что в литературе рассматривается как пример неопровержимой презумпции, по всем признакам подходит под описание правовой фикции. Такая позиция, обоснованная нами ранее и поддерживаемая многими исследователями [2; 10; 11], в ряде других работ встречается критику [4, с. 27; 12; 13]. Так, О. Е. Зацепина в качестве аргумента, оспаривающего отождествление правовых фикций с неопровержимыми презумпциями, указывает, что неопровержимые презумпции, в отличие от фикций, обладают степенью вероятности [12, с. 230].

Стоит признать, что степень вероятности как критерий отличия презумпций от фикций применяться может очень условно. И дело не только в том, что статистическая оценка вероятности, как правило, не ведется [13, с. 75]. С. А. Торопкин на примере конструкции «срок дожития» наглядно показывает, что даже в случаях, когда учет статистических данных предусмотрен в качестве обязательного источника правовой нормы, ее конкретное содержание полностью зависит не от этих данных, а от воли законодателя [14].

Легче всего тезис о степени вероятности как критерии разграничения рассматриваемых правовых велений разбивается на тех примерах, которые уже используются в научной литературе, что позволяет сохранить контекст дискуссии. С одной стороны, степень вероятности презумпций может быть крайне низкой, что традиционно доказывается на примере презумпции невиновности, которая будет действовать независимо от количества очевидцев преступления и убедительности доказательств даже в тех слу-

чаях, когда вероятность невиновности лица кажется абсолютно фантастической.

С другой стороны, фикция далеко не всегда оказывается ложной, т. е. не соответствующей фактической действительности. Так, правило ч. 2 ст. 1114 ГК РФ («Граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно»), которое О. Е. Зацепина соглашается признать бесспорным примером правовой фикции [12], с точки зрения здравого смысла выглядит вполне правдоподобным. Действительно, обстоятельствами, при которых невозможно установить момент смерти, могут быть стихийные бедствия, аварии, катастрофы, при которых люди, находившиеся вместе, с большой долей вероятности, действительно, могли погибнуть одновременно. Как представляется, фикцией данное положение делает не отсутствие какой бы то ни было степени вероятности, а отсутствие связи между этой вероятностью и установленным в соответствующей статье правилом.

В то же время неопровержимыми презумпциями автор называет ст. 16 ГПК РФ, устанавливающую основания для отвода суда, а также чч. 3 и 5 ст. 37 ГПК РФ, закрепляющие участие в процессе законных представителей несовершеннолетних, недееспособных и ограниченно дееспособных граждан. Нетрудно заметить, что в первом случае в основе соответствующего правила лежит общеизвестная правовая аксиома: *никто не может быть судьей в собственном деле*. Второй же пример содержит в себе достаточно типичную правовую фикцию: *представительство* (одно лицо выступает от имени другого). О наличии связанных с этими велениями презумпций можно рассуждать в порядке научной дискуссии, но рассуждения эти не обусловлены регулятивными особенностями

соответствующих правил и мало добавляют к пониманию их юридической природы. По нашему мнению, приведенные примеры наилучшим образом демонстрируют обоснованную нами ранее идею о внутренней связи между *безусловными правовыми предположениями*: правовыми аксиомами, фикциями и «неопровержимыми презумпциями», провести границу между которыми на практике бывает сложно [7, с. 276–286].

Характерно, что многие исследователи избегают прямого сопоставления «неопровержимых презумпций» и фикций. Так, Н. Н. Цуканов, доказывая существование неопровержимых презумпций, практически не приводит примеров того, что, по его мнению, можно считать правовой фикцией [4]. О. В. Танимов, наоборот, посвящает монографию фикциям [3], но полностью игнорирует в ней понятие правовой презумпции и связанные с ним научные дискуссии. Возможно, выстроенная авторами логика рассуждений просто не оставляет места для двух этих понятий сразу, потому что они по-разному объясняют природу одних и тех же явлений.

При этом законодатель и судебные органы, как показывает Н. Н. Цуканов [4, с. 27], термин «фикция» практически не используют, возможно, избегая его отрицательных коннотаций. Однако это вряд ли может рассматриваться как основание для отказа от изучения данного средства юридической техники и четкого научного отграничения его от смежных понятий.

Выводы

Таким образом, представление о правовой презумпции как о *юридическом предположении*, т. е. *нормативно закрепленном юридически опровержимом утверждении*, позволяет обосновать внутренне непротиворечивую позицию по двум традиционно дискуссионным вопросам: косвенным и неопровержимым презумпциям. Позиция эта заключается в следующем:

1. Правовая презумпция всегда включает в себя два элемента: общее правило и установленную законом возможность его опровержения (контрпрезумпцию).

2. Если законодатель одновременно закрепляет оба элемента (не обязательно с использованием конструкций типа «пока не доказано иное», но таким образом, чтобы оба они без труда обнаруживались при толковании нормативного предписания), то следует вести речь о прямом способе изложения. Если контрпрезумпция закрепляется отдельно от общего правила, а выявление смысла одного или обоих элементов требует анализа большого объема нормативного текста, но *механизм действия презумпции сохраняется*, имеет место косвенная презумпция.

3. Если правило закреплено без возможности его опровержения (контрпрезумпции не существует), однако понятно, что в основе его лежит не точное знание, а фактическое обобщение предположительного характера, можно говорить о совершенно ином механизме действия. Степень вероятности предположения с момента закрепления соответствующего правила теряет для законодателя значение, а само правило начинает действовать *независимо от его соответствия реальной действительности*. Таков механизм действия правовых фикций – безусловных правовых предположений.

4. Пока презумпция существует в качестве логического приема (до закрепления в законе), она является фактической (опровержимой по своей природе). Как только из содержания этой презумпции выводится императивная правовая норма, опровержимость этой презумпции теряет практическое значение, т. к. в законе она фигурирует уже не в качестве предположения, а в качестве однозначного утверждения. В итоге то, что является презумпцией для законодателя, для правоприменителя теряет свой предположительный характер и действует как безусловное правило. Понимая механизм возникновения этого правила, правоохрани-

менитель может воспринимать его как неопровержимую презумпцию (потому что представляет, почему оно возникло) либо как правовую фикцию (потому что вынесенное на его основе решение неизбежно будет игнорировать реально существующие факты).

5. В качестве средств юридической техники существуют правовые презумпции (юридически опровержимые предположения) и правовые фикции (неопровержимые предположения), границы между которыми довольно четко можно провести по механизму их действия и роли в правовом регулировании. При этом в широком смысле (как предположение,

подразумеваемое либо закрепленное в правовой норме) термином «презумпция» иногда охватывают оба эти явления. Понятие «неопровержимая презумпция» имеет право на существование в силу длительной традиции и популярности его использования в юридическом дискурсе. Однако понимая, что речь в большинстве случаев идет об одних и тех же правовых велениях, сторонникам данного понятия необходимо либо признать понятия «неопровержимая презумпция» и «правовая фикция» синонимами либо просто отказать правовым фикциям в праве на существование.

Список литературы

1. Васильев А. А., Зацепина О. Е. Презумпции и фикции как элементы текста нормативно-правового акта // Юрислингвистика. 2017. № 6. С. 19–31.
2. Решетникова И. В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 1. С. 16–28.
3. Танимов О. В. Теория юридических фикций: монография / отв. ред. Т. В. Кашанина. М.: Проспект, 2018. 225 с.
4. Цуканов Н. Н. К вопросу о существовании неопровержимых правовых презумпций // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 1. С. 22–29.
5. Научное наследие В. К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. К. Бабаева / под ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2020. 521 с.
6. Давыдова М. Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 159–170.
7. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2009. 318 с.
8. Ойгензихт В. А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976.
9. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / отв. ред. Б. С. Никифоров. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.
10. Баранов В. М., Першин В. Б., Першина И. В. Методологические предпосылки формирования теории правовых презумпций // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 18–31.
11. Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М.: ИНФРА-М, 2013. 236 с.
12. Зацепина О. Е. Соотношение правовых презумпций и иных средств юридической техники // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 226–233.
13. Толстик В. А. Спорные вопросы понимания правовых презумпций // Научное наследие В. К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. К. Ба-

баева / под ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2020. С. 74–86

14. Торопкин С. А. Срок дожития как правовая презумпция // Научное наследие В. К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. К. Бабаева / под ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2020. С. 337–340.

References

1. Vasil'ev A. A., Zacepina O. E. Prezumpcii i fikcii kak elementy teksta normativno-pravovogo akta [Presuppositions and fictions as elements of the text of a normative legal act]. *Yurislingvistika = Yurislinguistics*, 2017, no. 6, pp. 19–31.

2. Reshetnikova I. V. Prezumpcii i fikcii v arbitrazhnom processe [Presumptions and fictions in the arbitration process]. *Vestnik grazhdanskogo processa = Bulletin of Civil Procedure*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 16–28.

3. Tanimov O. V. Teoriya yuridicheskikh fikcij [Theory of legal fictions]; ed. by T. V. Kashanina. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 225 p.

4. Cukanov N. N. K voprosu o sushchestvovanii neoproverzhimyh pravovykh prezumpcij [On the question of the existence of irrefutable legal presumptions]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 22–29.

5. *Nauchnoe nasledie V. K. Babaeva: vesomyj vklad v razvitie logiko-gnoseologicheskikh i tekhniko-yuridicheskikh problem yuridicheskoy nauki. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. K. Babaeva* [Scientific heritage of V. K. Babayev: a significant contribution to the development of logical-epistemological and technical-legal problems of legal science. Collection of articles based on the materials of the International Scientific-practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of V. K. Babayev]; ed. by V. A. Tolstik. N. Novgorod, Nizhegorodskaya akad. MVD Rossii Publ., 2020, 521 p.

6. Davydova M. L. Pravovye prezumpcii v sisteme sredstv yuridicheskoy tekhniki [Legal presumptions in the system of means of legal technology]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technology*, 2010, no. 4, pp. 159–170.

7. Davydova M. L. Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii [Legal technique: problems of theory and methodology]. Volgograd, Volgograd. St. Univ. Publ., 2009. 318 p.

8. Ojgenziht V. A. Prezumpcii v sovetskom grazhdanskom prave [Presumption in Soviet civil law]. Dushanbe, 1976.

9. Strogovich M. S. Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom processe [Material truth and judicial evidence in the Soviet Criminal Trial]; ed. by B. S. Nikiforov. Moscow, AN SSSR Publ., 1955. 384 p.

10. Baranov V. M., Pershin V. B., Pershina I. V. Metodologicheskie predposylki formirovaniya teorii pravovykh prezumpcij [Methodological prerequisites for the formation of the theory of legal presumptions]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technology*, 2008, no. 2, pp. 18–31.

11. Bulaevskij B. A. Prezumpcii kak sredstva pravovoj ohrany interesov uchastnikov grazhdanskikh pravootnoshenij [Presumption as a means of legal protection of the interests of participants in civil legal relations]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 236 p.

12. Zacepina O. E. Sootnoshenie pravovykh prezumpcij i inyh sredstv yuridicheskoy tekhniki [The ratio of legal presumptions and other means of legal technology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2017, no. 424, pp. 226–233.

13. Tolstik V. A. [Controversial issues of understanding legal presuppositions]. *Nauchnoe nasledie V. K. Babaeva: vesomyj vklad v razvitie logiko-gnoseologicheskikh i tekhniko-yuridicheskikh problem yuridicheskoy nauki. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. K. Babaeva* [Scientific heritage of V. K. Babayev: a significant contribution to the development of logical-epistemological and technical-legal problems of legal science. Collection of articles based on the materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of V. K. Babayev]; ed. by V. A. Tolstik. N. Novgorod, Nizhegorodskaya akad. MVD Rossii Publ., 2020, pp. 74–86

14. Toropkin S. A. [The term of survival as a legal presumption]. *Nauchnoe nasledie V. K. Babaeva: vesomyj vklad v razvitie logiko-gnoseologicheskikh i tekhniko-yuridicheskikh problem yuridicheskoy nauki. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. K. Babaeva* [Scientific heritage of V. K. Babayev: a significant contribution to the development of logical-epistemological and technical-legal problems of legal science. Collection of articles based on the materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of V. K. Babayev]; ed. by V. A. Tolstik. N. Novgorod, Nizhegorodskaya akad. MVD Rossii Publ., 2020, pp. 337–340.

Информация об авторе / Information about the Author

Давыдова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
e-mail: davidovavlg@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8392-9592
Researcher ID: AAB-2032-2019

Marina L. Davydova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
e-mail: davidovavlg@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8392-9592
Researcher ID: AAB-2032-201